

Франции Карла VI — Екатерине Валуа — и становится его наследником. После смерти Карла VI Французского королем Англии и Франции становится Генрих V Английский, которому наследует его сын, плод брака английского короля и французской принцессы.

Бургундия решила, что это очень хороший финал для войны, которая к тому моменту шла уже почти сто лет. Началось с противостояния двоюродных братьев, а кончится свадьбой — красотой.

Не согласны были Изабелла, дофин Карл и арманьяки. Особенно после того, как юный и полный сил наследник (король Генрих V Английский) умер раньше того, кому должен был наследовать. Да, всего на два месяца, но этого повода им хватило, чтобы продолжить гражданскую войну. Которая, к слову, не особо-то и заканчивалась. В 1419 году по приказу дофина Карла и в его присутствии был убит приехавший на переговоры Жан Бесстрашный, герцог Бургундии.

К 1430 году ситуация выглядела примерно так. Бургиньоны, храня верность договору в Труа, признают королем Франции малолетнего Генриха VI и действуют в тесном сотрудничестве с Джоном Ланкастером, герцогом Бедфордом. Под их властью Нормандия, Бретань, Аквитания и сама Бургундия, Париж и Реймс. Осталось дожать совсем немного.

Карл, дофин французский, сын Изабеллы, мало того что лишен права наследования по договору в Труа, так еще и объявлен своими родителями незаконнорожденным, не сыном своего отца. Еще немного, и малолетний Генрих прибудет в свои французские владения и будет коронован в английском Реймсе.

Университет находит все это законным.

Еще немного — и мир.

И тут появляется Жанна. И война раскручивается с новой силой. И снова все очень неочевидно.

И Кошону поручают ее судить. Невинная дева? Ха! Чьего сына она возвела на трон? Сына короля? Точно? Святая? Бред! Она возвела на трон того, кто убил пришедшего на переговоры Жана Бесстрашного. Посланица Бога? Она возвела на трон племянника того, кто казнил близких друзей Пьера Кошона, лучших парижских богословов. Того, чей дядя подерживал проклятого авиньонского антипапу.

Полагаю, что примерно с такими мыслями наш герой принимался за ее дело.

Идеальный процесс

Как-то в детстве в одной из книжек для среднего школьного возраста я прочитал, что Кошон, глядя на костер святой Жанны, плакал. Отчего же плакал епископ Бове? Кто-то говорит, что то были слезы о мученице, которую он не сумел спасти, кто-то утверждает, что плакал он от радости, что смог спалить колдунью проклятых арманьяков. Мне же кажется, что если он и плакал, то исключительно от стыда за то позорище, которое должно было быть идеальным процессом.

Но давайте по порядку. Пьер Кошон должен был в ходе инквизиционного процесса осудить Жанну как колдунью. Такова была воля Джона Ланкастера, герцога Бедфорда. Здесь нам важны два момента. Первый связан со словом «инквизиция», второй — со словом «колдунья». Начнем со второго, он проще.

Итак, кто такой колдун? Это человек, добровольно и сознательно вступивший в связь с дьяволом и отрекшийся от Святого крещения. От дьявола он получает сверхъестественную силу, долголетие, удачу, способность видеть будущее (нужное подчеркнуть кровью), а дьявол получает его душу. Все как обычно, ничего нового.

Для суда это означает, что человек сознательно отторг себя от тела Церкви, не подлежит церковному суду, но подлежит

передаче в руки светской власти и ее суду. А светская власть за подобные деяния его немедленно приговорит к сожжению и оспорит законность деяний, совершенных им: не под воздействием ли бесовской силы означенный виллан сотворил то или иное?

Если человека признают не колдуном, а еретиком, заблуждающимся относительно истин, которым учит святая мать-Церковь, то такого человека ни в коем случае нельзя лишать церковного милосердия и передавать светским властям. Ему надо рассказать, где он неправ, дать возможность отречься от своих заблуждений и отправить на покаяние разной степени длительности. Можно заставить носить одежду кающегося, можно отправить в паломничество, можно это совместить. Можно конфисковать у него лишнее имущество, чтобы больше думал о спасении души и бренности мира.

А можно, если человек заблудился сильно, посадить его на хлеб и воду в тихом, прохладном, недоступном месте. На год, два, три, до исправления, навсегда. И только если этот человек так и не осознает глубину проявленного к нему милосердия и в ослеплении бесовском опять начнет творить то, в чем уже однажды каялся, его следует отлучить от церковного общения и передать светскому суду, суровому, но несговорчивому.

И что же получается? Если Жанну осуждают как колдунью, то ее тут же сжигают и немедленно оспаривают законность коронации Карла в Реймсе. А если признают еретичкой, то ее ждет всего лишь тюрьма. Что не очень красиво для истории, это раз. И не ставит точку в деле, это два. Из тюрем бегут. Особенно в то время, когда до постройки Алькатраса было еще далеко, а города с известной регулярностью переходили из рук в руки.

А теперь пара слов про инквизицию. Под этим словом у нас принято понимать суд службы святого следствия

расследований еретической греховности. Но в то время оно могло значить две вещи. Собственно, сам суд службы святого следствия и суд, идентичный или почти идентичный по процедуре инквизиционному. И вот тут вопрос. Когда англичане говорили Кошону про то, что Жанну должна судить инквизиция, они что именно имели в виду? Инквизиционную процедуру или саму Инквизицию (с большой буквы)? Полагаю, что первое. Так как второй вариант автоматически передавал бы пленницу из рук Кошона в руки трибунала, а этого допускать не хотелось до чрезвычайности.

Но так или иначе процесс должен быть инквизиционным по форме. Что это за форма, я вам постараюсь обрисовать в двух словах. Итак, *inquisition* означает следствие, главной задачей которого было выяснение факта впадения в ересь или занятий колдовством или отсутствия такового. То есть для инквизитора были важны не столько деяния человека (хотя и они тоже), сколько его намерения, мотивы его поступков.

А теперь пара слов о том, как все происходило. Инквизитор, прибывая на место, произносил проповедь, рассказывая о греховности и той ереси, которая распространена именно здесь, призывая всех к покаянию. Он не только произносил проповедь в главном городе области, но и проезжался по всем окрестностям. Помимо этого, он везде принимал исповедь. Возможно, кто-то решил раскаяться. Или, под видом исповеди, донести. Хотя сначала это было не так уж и нужно, так как в течение первых двух-трех недель объявлялось время милосердия. Еретик, узнавший из проповеди инквизитора о том, что он еретик, мог незамедлительно прийти и раскаяться. И никаких санкций ему за это не было. Так что первое время инквизитор практически не вылезал из исповедадьни.

А вот потом начиналось интересное. Время милосердия заканчивалось, инквизитор собирал все, что он услышал в исповедадьне (многие ведь под видом исповеди приходили

донести на соседа, да и раскаявшиеся еретики тоже должны были назвать тех, кого знали), отбраковывал несущественное и обычные сплетни и приказывал своим людям следить за подозрительными — за теми, на кого больше всего доносов и о ком наговорили что-то серьезное.

Расстроенная молодая женщина заявляет о своей невинности и молится перед судьей и адвокатом испанской инквизиции

1839

Если инквизитор постоянно находился на одном месте, как было в нашем случае, то он просто сидел и собирал информацию. И если кто-то казался ему слишком подозрительным, то он начинал процесс. Подозрения появлялись, если два человека, не состоящих в сговоре, сообщали на третьего одну и ту же компрометирующую информацию. Но доносчикам требовалось быть осторожными. Оговор считался преступлением.

Как это выглядело? Человека арестовывали, сажали в церковную тюрьму и предлагали подумать над двумя вопросами: есть ли у него враги и за что он мог сюда попасть.

Про врагов. Если человек с кем-то враждовал, говорил об этом на первом допросе и его слова подтверждали соседи и родственники (которых тоже активно опрашивали на предмет личных связей арестованного, его привычек, образа жизни и морально-нравственного состояния), то доносы таких врагов не принимались во внимание, а следствие могло закончиться на этом этапе, если обвинение было построено только на них.

Про второй вопрос. В Средние века действовала презумпция, обратная нашей: презумпция виновности, то есть человек обязан был оправдаться от предъявленного обвинения, а не ждать, пока обвинение будет доказано прокурором. Если тебя обвинили, а ты не оправдался, то ты виновен. Эта формула была закреплена даже в светском законодательстве императором Фридрихом II в 1220 году: «Всякий подозреваемый, не доказавший своей невиновности в течение года, должен быть осужден». По этой причине человек, попавший на первый допрос, должен был быстро-быстро рассказать, что он не еретик, а добрый католик. В зависимости от тяжести обвинения и уровня образования ему устраивался экзамен с вопросами на да/нет по катехизису и Символу. Ему достаточно было показать свое знание христианских текстов и согласие с ними, после чего он мог идти на все стороны. Чем большинство дел инквизиции и заканчивалось, и об этом мы прекрасно знаем — они обожали вести точнейшие протоколы заседаний. А еще снимать с них копии для архивов. Первые бюрократы Европы.

Да, конечно, инквизитор-экзаменатор мог и завалить экзаменуемого. Но есть два «но». Во-первых, допрос велся в присутствии людей, пользующихся уважением в городе, и они могли аккуратно попросить его преподобие быть мягче, если

им казалось, что преподобный перегибает палку. Во-вторых, приговор инквизитора, в тексте которого присутствовали вопросы и ответы заключенного, должен получить ратификацию от местного епископа.

А теперь представьте, как епископ читает в приговоре, что некий Жан по прозвищу Простак был спрошен о том, единосущен Сын Отцу или подобосущен. У епископа закономерно глаза лезут на лоб, и он задает отцу инквизитору соответствующие вопросы. И не только задает вопросы, но и пишет в Рим.

Само собой, эти два правила (ратификация от епископа и допрос в присутствии уважаемых в здешних местах людей) не всегда и не везде соблюдались. Но идеальная процедура была именно такой.

Итак, резюмируем. Доследственный сбор информации, возбуждение дела инквизитором, который был и судьей, и обвинителем, допросы подследственного и допросы свидетелей, приговор, ратификация приговора, сдача дела в архив.

Кто входил в состав трибунала? Два инквизитора не моложе сорока лет, со степенью по богословию, местный епископ или его представитель, двенадцать добродетельных местных жителей, известных своей рассудительностью и уважаемых в городе, два нотариуса, врачи, гонцы и судья-квалификатор, светский юрист, следивший за тем, чтобы приговор соответствовал законодательству данной страны.

Решение трибунал принимал коллегиально, но правом решающего голоса обладал инквизитор.

Итак, декабрь 1430 года. Жанна вот-вот будет передана в руки англичан, а наш герой, Пьер Кошон, готовится удивить мир идеальным процессом. Судить он ее собирается в Руане — этот город был избран временной резиденцией малолетнего короля Англии Генриха VI, который приехал с огромной свитой. Приняв венец святого Эдуарда, он собирался принять и корону святого Людовика.

Жанна д'Арк, заключенная в тюрьму в Руане

1819

Английский двор в Руане, и Кошон решает этим воспользоваться на благо своего дела. Как вы помните, для инквизиционного процесса требуется двенадцать уважаемых местных жителей в роли заседателей. Но это для обычного процесса, где обвиняемый и те самые заседатели живут примерно в одной области и знают друг друга хотя бы немного. Кого звать на эту роль сейчас? Крестьян из Домреми? Странновато они будут смотреться среди принцев и прелатов. В Бове, от имени которой Кошон собирался Жанну судить, ее никто особо не знал, она там не жила, а только попала в плен.

И Кошон делает весьма ловкий ход. Он собирает не дюжину, а более сотни заседателей. И все — красавцы, один к одному: легисты, богословы, магистры и лиценциаты права. Он призывает делегацию из Бове, где он епископ, и потому делегация не может его ослушаться. Да и не в одном послушании дело — сам процесс обещает быть интересным, о нем потом можно

будет внукам рассказывать. И рассказывать многим из них действительно придется, через двадцать лет, но это уже другая история. Кошон не может обойти приглашением и духовенство приютившего его Руана. Они с радостью соглашаются. И конечно, ученые англичане из королевской свиты и представители университета Парижа просто не могут пропустить такое.

Список огромен. Материалы процесса дают сто тридцать два имени. И тех, кто принимал участие в одном-двух заседаниях, и тех, кто работал в ходе процесса постоянно.

Особого упоминания заслуживают следующие.

Генри Бофорт-Ланкастер, епископ Уинчестера, кардинал Церкви, бывший лорд-канцлер Англии. Иерархически самый старший прелат на этом собрании. Именно он через год коронует Генриха королем Франции. Он за этим и приехал.

Жан Бопер, однокашник и друг Кошона, бывший ректор университета, прошедший с Кошоном и договор в Труа, и собор в Констанце. В 1423 году при нападении разбойников (или арманьяков) потерял правую руку и как священник стал профессионально непригодным. Однако папа сделал для него исключение. На момент процесса он — каноник Руана.

Жан де Шатийон, доктор теологии, друг Кошона.

Тома де Курсель, бывший ректор университета в Париже, доктор теологии, старый товарищ Кошона.

Жиль де Дюрмор, бенедиктинец, аббат Феканского монастыря в Руане, регент факультета теологии в Париже, королевский советник.

Не буду вас утомлять именами других участников процесса, но хочу заметить, что Кошон собрал команду мечты, почти собор: епископы, аббаты, доктора и лиценциаты — очень серьезная коллегия, более чем достаточная для суда.

Сделано это было не только для того, чтобы показать себя, продемонстрировать, сколько людей отзовется на его призыв, но и для того, чтобы связать их всех общим делом. Никто

из тех, кто участвовал в процессе, не рискнет потом сказать, что что-то было не так.

Однако дальше все пошло не по плану.

Во-первых, Жанна, выданная на Рождество англичанам, не была передана Кошону, как того требовала процедура. Ее не поместили в церковную тюрьму, не заперли у доминиканцев, как это должно было быть. Ее держали в руанском замке, в башне Пуссель. К слову, в этом замке проживал и английский король, явно давая понять, чья это пленница.

И спорить с королем, точнее с его высокопреосвященством, кардиналом Бофортом, Кошон не рискнул. Да и не мог. Но главное, именно не хотел. Дело в том, что после завершения процесса Кошон рассчитывал претендовать на свободную кафедру архиепископа Руана. И ссориться с Бофортом ему было совсем не нужно. Раз захотели англичане показать, что тут главные они, а не он, — и ладно. Пилюля, конечно, горькая, но можно стерпеть.

Кроме того, вторая пилюля оказалась горше первой. Это была пилюля предварительного следствия. Как я уже говорил, люди трибунала должны были опросить тех, кто знал Жанну с детства, чтобы доказать, что она уже давно была взбалмошной, злонамеренной, горделивой еретичкой.

И такие люди направились в Дофреми. После возвращения их показания записали Маншон, Курсель и Буагильом, особо проверенные и дружные с Кошоном члены трибунала из тех ста тридцати. На основании этих показаний были составлены «статьи и мемуары», и уже опираясь на них, Кошон делает резюме, которое предъявляет 19 февраля суду как достаточную причину для возбуждения дела.

Важный момент: в материалах дела нет никаких документов предварительного следствия. Их искали через двадцать лет, начиная реабилитационный процесс. Но не нашли ни протоколов работы следственной комиссии на родине

Жанны, ни составленных на их основе «статей и мемуаров», ни записей свидетельских показаний. Ничего.

На реабилитационном процессе Маншон станет лгать, утверждая, что предварительного следствия просто не было, хотя у судей будет протокол обвинительного процесса (того самого предварительного следствия), записанный Маншом и Курселем и заверенный Бугильмом. Протокол будет, но вот документов, о которых говорит этот протокол, — нет.

Жанна д'Арк в плену, допрошенная Анри де Бофортом

XVIII–XIX века

Смотрите, как интересно выходит: Кошон отправляет людей в Домреми, они там ищут компромат на Жанну, все тщательно конспектируют, передают это Маншону, Курселю и Бугильмону, те пишут некие «статьи и мемуары», сводя разрозненные показания в единый, разбитый на тезисы текст, и даже составляют протокол, что все так и было — люди

ездили, суетились, привезли бумаги. Однако оказывается, что ни бумаг, ни «статей с мемуарами», о которых говорит Кошон, легитимируя начало процесса, просто нет.

Кто-то из исследователей считает, что Кошон не проводил предварительного следствия: Домреми далеко, там арманьяки, дело, в принципе, и так очевидное, а нужно торопиться. Но мне более импонирует позиция Жана Фавье, французского историка и крайне вьедливого исследователя.

Он пишет, что Кошон следствие как раз провел. Не мог не провести: это человек университетской культуры, преданный схоластической форме, воспитанный на строгости силлогизмов. И если что-то нужно сделать согласно инструкции, то он это сделает. Кроме того, процесс официально стартовал 3 января, а Кошон предъявляет свое резюме, составленное по материалам предварительного следствия, аж 19 февраля. Зачем он тянул, если следствия не было?

Так вот, по Фавье, предварительное следствие было. И документы были. Но они не устроили Кошона. В них не нашлось никакого компромата на Жанну. Сплошные комплименты: характер галльский, связей порочащих не имела, беспощадна к врагам Церкви. И Кошон их просто потерял где-нибудь в районе камина. Очень уж он хотел идеальный процесс над ведьмой и кафедрой Руана в награду. И если истина этому мешала, то тем хуже для нее.

Кроме того, не он первый начал. Это все Бофорт, он первым пошел против строгой логики процесса, не выдав ему Жанну. Процесс уже не идеален. И если кардиналу вольно так обращаться с установлениями канонического права, то что уж спрашивать с него, простого епископа, который всего лишь потерял несколько листов пергамента?..

Но если Кошон смог заставить свидетелей замолчать, уничтожив их показания, то заставить замолчать Жанну ему не удастся. Что мы скоро увидим.

Итак, у Кошона все пошло не по плану: Жанну англичане ему не выдали, а результаты предварительного следствия оказались такими, что лучше бы их и не было. При этом задача остается прежней: осудить Жанну как колдунью. А еще лучше — как колдунью и еретичку. Но как, если у суда нет свидетелей обвинения? Нужно сделать так, чтобы Жанна сама себя оговорила. Пусть сама свидетельствует против себя.

Смотрите: согласно инквизиционной процедуре после предварительного следствия идут допросы подозреваемого (само следствие, собственно). Его спрашивают за жизнь, за давнее и не очень давнее, аккуратно интересуются про то, как часто человек ходил к мессе и принимал таинства, как исповедует веру. После этого его показания сличают с материалами предварительного следствия и только тогда предъявляют обвинение. Если, конечно, есть что предъявлять. Весьма часто после следствия человек шел на все четыре стороны. Но, как вы понимаете, это не наш случай.

И раз материалы предварительного следствия оказались практически пустыми, Кошону требовалось провести само следствие так, чтобы вина Жанны стала всем очевидна. И здесь он был более или менее спокоен. Сотня вооруженных до зубов теологов и знатоков канонического права сможет завалить одну невежественную девушку.

Однако опять все идет не по плану. Жанна настойчиво просится на мессу. Ей необходимы исповедь и причастие Святых Тайн. Очень, очень странное поведение для колдуньи. Согласно средневековым представлениям, человек, сознательно отрекшийся от Бога и заключивший договор с лукавым, просто не может хотеть ходить к мессе.

И еще одно косвенное свидетельство против ее колдовства обнаружилось в Руане. Врач де ла Шамбр в присутствии Анны Бургундской — дочери Жана Бесстрашного (старого покровителя Кошона) и жены Джона Ланкастера, герцога

Бедфорда, — осмотрел подследственную и не нашел следов половых контактов. Жанна — девственница. А для колдуньи это практически невозможно — согласно средневековым представлениям о колдовстве. Колдуньи блудливы, и на своих слетах они вступают в греховные связи, это раз. Дьявол очень часто овладевает своими адептами именно во время полового акта, это два.

Есть, конечно, лазейка. Дьявол мог и не овладевать Жанной физически, но дать ей некий артефакт — перстень, кольцо, знамя, меч, подвязку, — через который заключить договор, но это сложнее доказать и выглядит не так красиво, как факт того, что объявленная девой при дворе дофина оказалась бы вдруг не девой. Это и колдовство бы помогло доказать, и на честность дофина бы тень бросило.

Но есть то, что есть. И да, показания герцогини, которая свидетельствует о невинности Жанны, в огонь не бросишь и случайно не потеряешь. Одно дело — крестьяне из Домреми, совсем другое — жена регента.

Имея на руках не самые лучшие карты, 21 февраля Кошон начинает допрашивать саму Жанну. Первый допрос проходит перед шестьюдесятью членами трибунала. Вообще, названное мною ранее число в сто тридцать судей и помощников не совсем точно. Их действительно было сто тридцать два человека, но одновременно больше половины почти никогда не собиралось.

На первом заседании присутствуют не только судьи, но и публика. Весьма многочисленная. Возможно, это было требование англичан, возможно, Кошон хотел всем показать свое торжество — торжество изощренного схоласта над простушкой. Но так или иначе это было последнее открытое заседание. Официально зрителям запретили присутствовать по причине того, что их гомон мешает секретарям. Неофициально — потому что слишком уж хорошо держалась Жанна,

слишком часто она ставила своими ответами судей в тупик. Ни Кошон, ни Бофорт не хотели вызвать к ней сострадание. Кроме того, закрытости заседания требовала процедура.

И уже на первом допросе Жанна показала себя. На мой взгляд, даже круче, чем под Орлеаном. И иначе, чем чудом Божиим, мне это объяснить сложно. Когда Кошон попросил прочитать ее «Отче наш» (как доказательство, что она знает обязательный для доброй католички минимум), она сказала, что обязательно прочтет, если судья ее исповедует.

Суд над Жанной д'Арк

1909–1910

Это шикарный ответ. Его можно трактовать двумя способами. Первый: Жанна не собиралась призывать Бога всуе и грешить против третьей заповеди декалога Моисея. Хорошо? Хорошо. Второй способ трактовки: она сейчас исповедуется Кошону, заткнет ему рот тайной исповеди и выведет главу судейской коллегии из состава трибунала. На первом же заседании. Хорошо? Просто превосходно.

И многие ее ответы именно таковы. Их можно трактовать как ответы человека, на котором в сию минуту почует Дух Божий, а можно — как ответы искусного в диспутах схоласта.

К слову, однажды ее спросили прямо: «Считает ли Жанна Девица, что благодать Божия пребывает с ней?» Коварный вопрос. Ответ она согласиём, ей скажут, что она впала в гордыню. Ответ она отрицательно, значит, она ведьма, которая уверена, что благодать с ней не может быть. Или не ведьма, но просто великая грешница. А если она грешница, значит, голоса, которые ее ведут, не от Господа.

Жанна ответила так: «Если да, то благодарение Богу, если нет, то молюсь о том, чтобы она со мной пребывала».

Но вернемся к первому допросу. После того как Кошон отказался ее исповедовать, а она отказалась читать молитву, он предложил ей принести клятву, что она будет говорить только правду. Жанна с готовностью поклялась, но с той оговоркой, что никогда и никому не скажет о том, что она говорила королю Карлу в бытность его дофином, не скажет, что она передала ему от имени Бога. Как вы понимаете, такой ответ судей не устроил. Прежде всего по той причине, что она начала ставить всем свои условия.

Тот факт, что невинная дева решила говорить от имени Всевышнего, был для той эпохи достаточно приемлемым. Не стоит забывать, что всего полвека назад отошла к Господу святая Екатерина Сиенская, сподобившаяся великих откровений и даже стигматов.

Помнил ли об этом Кошон? Мне думается, что да. По этой причине ему требовалось, чтобы следствие прошло быстро, а Жанна показала себя не с лучшей стороны. А то кто знает, чем дело кончится. Дать ей возможность превратить скамью подсудимых в трибуну и повторить чудо святой Екатерины, которая превратила судей в друзей и последователей, ему вовсе не хотелось.

Первый допрос кончился тем, что Жанна отказалась дать клятву, что не будет бежать из тюрьмы. Она сказала, что это естественное право всякого пленника и она не имеет ничего

против того, чтобы им воспользоваться. Судьям пришлось удовлетвориться клятвой стражи, что они будут надежно ее стеречь, но никак на нее не посягать. Бой первого допроса она выиграла.

На следующих заседаниях, материалы которых сохранились прекрасно, Жанну допрашивают так, чтобы она запуталась и оговорила себя. Один допрос длился по три-четыре часа, иногда в день проходило по два допроса. Кошон не допрашивает Жанну сам. Эта роль отдана нескольким следователям, которые постоянно меняются. Но самые известные из них — Жан д'Эстиве и Жан Бопер, старые товарищи Кошона. Монстры богословия и права. Стоит заметить, что в этом практически не принимает участия доминиканец Леметр, тот, чье присутствие и делает этот процесс инквизиционным. Он вообще пытается самоустраниться от этого дела.

Сами допросы строятся по следующей схеме: подозреваемую (помним, что обвинение еще не предъявлено) спрашивают обо всем и сразу. Как она покинула Вокулер, что она писала англичанам в Орлеан, с кем она дружила в детстве, что она изобразила на своем феньоне, где она любила играть в Домреми, как она относится к герцогу Орлеанскому, во что был одет архангел Михаил из ее видений, где она стояла во время коронации Карла, что она сказала своему оруженосцу д'Олону перед тем, как они попали в плен, любит ли Бог англичан — и все в таком духе. И да, вопросы повторялись. Из допроса в допрос, изо дня в день.

Судьи хотели поймать ее на противоречиях, найти нестыковки в ее показаниях. И просто вывести из себя. Но у Жанны была отличная память, и обычно она отвечала, что на этот вопрос уже давала ответ, смотрите в протоколах. Да и ее самообладанию можно было позавидовать.

Вот что через двадцать лет скажет секретарь трибунала Маншон:

«Жанну утомляли многочисленными и разнообразными вопросами. Почти каждый день по утрам происходили допросы, которые продолжались по три-четыре часа. И очень часто из того, что Жанна говорила утром, извлекали материал для трудных каверзных вопросов, ее допрашивали после полудня еще в течение двух-трех часов. Не переставали менять сюжет и переходить от одного вопроса к другому. Несмотря на эти резкие переходы, Жанна отвечала осмотрительно. У нее была великолепная память. “Я уже отвечала вам на это”, — говорила она очень часто и добавляла, указывая на меня: “Я полагаюсь в этом на секретаря”^{*}.

А вот слова помощника инквизитора Изамбара де ла Пьер (он присутствовал почти на всех допросах, в том числе и на тайных):

«Жанна была молоденькой девушкой — девятнадцати лет или около того, — необразованной, но наделенной светлым разумом. И эту бедную девушку подвергали таким труднейшим, тонким и хитроумным допросам, что ученые клирики и образованные люди, которые там присутствовали, с великим трудом смогли бы дать на это ответ. Так перешептывались между собой многие присутствующие.

Очень часто, даже когда ее спрашивали о предметах, в которых она была совершенно невежественна, Жанне случалось находить правильные ответы, как это можно видеть по протоколу, составленному с точностью секретарем Маншоном.

Среди многочисленных речей Жанны на процессе я отметил бы те, в которых она говорила о королевстве и войне. Она казалась тогда вдохновленной Святым Духом. Но, говоря лично о себе, она многое придумывала. Все же я не думаю, что нужно было осудить ее за это как еретичку. Иногда допрос Жанны длился три часа утром и возобновлялся после полудня. Так, я часто слышал, как Жанна жаловалась, что ей задают слишком много вопросов^{**}.

^{*} Цит. по изд.: Процесс Жанны д’Арк: Материалы инквизиционного процесса / Пер., коммент., статья А. Б. Скакальской. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008.

^{**} Там же.

Процесс шел ускоренно, и подозреваемую допрашивали ежедневно. С 10 марта допросы стали совсем уж тайными. Они велись в камере Жанны в присутствии пары судей, нескольких помощников и нотариусов. Дело в том, что многие судьи начали роптать: зачем такой странный метод ведения допросов, почему судья не допрашивает подследственную сам, как того требует процедура? Почему он гонит следствие? После допроса положено день, а то и два посвятить вдумчивому изучению полученного материала. Составить коллегиальное мнение, новый список вопросов и только потом допрашивать дальше. Зачем тут собрали чуть ли не университет легистов и богословов, если им не дают выполнять свою роль?

Но и это еще не все. Кошон, осудивший Жанну на смерть еще до того, как начался процесс, разрешил себе действовать совсем уж грязно. Среди помощников нашелся некий Луазелер, который согласился сделать для Кошона одну работенку. Он направился в камеру Жанны, выдал себя за прибывшего тайно священника, земляка и единомышленника и разговорил нашу героиню.

Однако нотариусы трибунала, которые присутствовали в соседней камере и слышали все через отдушину, отказались фиксировать показания, полученные таким образом. Второго провокатора Кошону найти не удалось. Но какую-то помощь он ему оказал. Луазелер регулярно «исповедовал» Жанну, которая не знала, что разговор подслушивается судьей, зато тот, в свою очередь, знал, на что можно будет надавить, а где ничего не выйдет.

Однако, судя по материалам дела, особой помощи от Луазелера не было. Через неделю закрытых заседаний Кошон закончил следствие. Он выжал из Жанны все, что мог. Пора было переходить к обвинению.

Приговор

Мы оставили наших героев в конце марта 1431 года, в тот самый момент, когда судейская коллегия, равной которой по размаху еще, вероятно, не видывало французское королевство, готовилась предъявить обвинение. Следствие осталось позади. Были допрошены люди, знавшие Жанну, была допрошена сама Жанна, и теперь судьям предстояло собрать воедино результаты и огласить суровое обвинение. Такое, перед лицом которого наша героиня не могла бы оправдаться.

Солдаты захватывают Жанну д'Арк в плен и уводят ее

1851

Как мы помним, ее хотели обвинить в колдовстве и ереси. Это разные по составу преступления. Колдовство — сознательный сговор с дьяволом, ересь — неверное толкование догмата или канона. Первое, как вы понимаете, намного тяжелее.

Человека, изобличенного в колдовстве, формально отлучали от Церкви (ведь фактически он сам себя отторг

от церковного общения) и передавали светской власти. Это костер в один ход. С ересью дело обстояло сложнее. Еретиков предлагали покаяться и отречься — с применением различного рода увещаний, словесных и не только. Могли и пытать. Да, пытки в инквизиционном судопроизводстве появлялись только на этом этапе. Подследственного, как правило, не пытали. А вот обвиняемого уже могли. И если человек каялся (а с теми методами каялись обычно все и сразу), то на него возлагали епитимью разной степени тяжести (от штрафа до пожизненного заключения), заставляли прилюдно подписать отречение от ереси, и формально дело на том заканчивалось.

Но если человек попался на том же самом второй раз, то с дела сдували пыль, объявляли человека упорным, нераскаявшимся еретиком и только тогда отлучали от Церкви и передавали светской власти и ее суду, суровому и несговорчивому. И это, как вы понимаете, костер в два хода.

Хотя был еще один вариант: преступник, признанный еретиком, отказывался покаяться. И снова костер в один ход.

Кошон имел острое желание отправить Жанну на костер сразу. Причин тому несколько. Объявить женщину, столько сделавшую для коронации Карла, колдуньей, орудием Сатаны — мощный политический ход, который ударит по Карлу очень сильно. И опять же, продемонстрирует всем, что, несмотря ни на что, ему, Пьеру Кошону, удалось-таки сделать красивый процесс. Если получится сразу приговорить ее к костру, то все несостыковки, которые случались по ходу дела, быстро забудутся. *Finis coronat opus*. И последнее. Из тюрем, даже из очень надежных, бегут. А Жанна уже пробовала бежать и вовсе не скрывала, что обязательно попытается еще. Так что нельзя ограничиваться епитимьей и вечным заключением. Да еще и война идет, все так нестабильно. Кроме того, это же выйдет страшно некрасиво. Такой суд устроили, люди

приехали, все старались, работали. И для чего? Для того чтобы вынести суровое порицание?

27 марта, через десять дней после последнего допроса Жанны, по распоряжению Кошона член трибунала Жан д'Эстиве предъявил обвиняемой и суду, вновь собравшемуся в полном составе, целых семьдесят статей обвинительного заключения, которые было решено сократить до двенадцати основных пунктов. А 2 апреля эти тезисы были сформулированы. С них сняли копии, которые отправили на экспертизу ведущим богословам и юристам. Преимущественно в Париж. Но не только туда. К слову, в Париж их повезли члены трибунала и старые однокашники Кошона — Бопер и Миди. Для того чтобы передать коллегам суть этих статей. И возможно, для того чтобы объяснить, какое именно экспертное мнение здесь требовалось. Но последнее — это лишь мой домысел.

Итак, что же было в этих статьях? Во-первых, Жанне ставилось в вину то, что она носит мужскую одежду. Прошу обратить внимание, что никто не ставил ей в вину ношение доспеха и ношение мужской одежды под доспех. Как известно, на женскую одежду доспех надеть крайне затруднительно, так что приходится носить мужское. Ношение доспеха и оружия Церковь женщине де-юре инкриминировать не может. Может не одобрить, но не строить на этом обвинение. Бывали моменты, когда в священной истории женщины брались за меч и даже вели воинов. Достаточно вспомнить победу народа Израиля под предводительством пророчицы Деворы над жителями Ханаана. А раз Библия дает прецедент, значит, инкриминировать доспех, меч, штандарт и штаны (шоссы) Жанне никак нельзя. Нельзя в военное время. Но можно в мирное. Почему же Жанна не носила платья в часы мира? Демонстрировать принадлежность к своему полу в Средние века было штукой общеобязательной, за исключением карнавалов и форс-мажоров.

Жанна д'Арк во время осады Орлеана

Ок. 1890

Во-вторых, Жанна отказывалась признавать авторитет Церкви и власть церковной иерархии над собой. Она говорила, что папа, святой наш отец, епископы и священники и прочие люди Церкви, включая ее почтенных судей, действительно существуют затем, чтобы хранить веру и учить народ. Но лично она будет подчиняться не Церкви земной, воинствующей, а лишь Церкви небесной, торжествующей. То есть она ставила себя наособицу от всего христианского мира. По сути, она претендовала на святость и на право называться пророчицей.

В-третьих, Жанна отказалась передать суду, что она сказала дофину, то есть она заперлась под следствием.

И в-четвертых, самое важное. Голоса. От кого они были? Жанна твердо стояла на том, что она слышала голоса Бога и Его святых. И здесь сложно. В вопросе о голосах богословы той поры не могли прийти к однозначному выводу. Логика судей была следующей: дерево узнаете по плодам. Если человек наслушался голосов и убил своих родственников, то голоса были не те. А если услышал и покаялся, облачившись во вращение, и понес Христову истину миру, то те голоса — всем голосам голоса. Не стоит забывать, что и у апостола Павла были голоса (и даже видение), и это сделало его апостолом. И у святого Доминика. И у святой Екатерины Сиенской. И даже у папы Иннокентия, который видел монаха, поддерживающего своды падающей Латеранской базилики. Так что сам факт того, что Дева слышит голоса, — просто факт, абсолютно приемлемый для той эпохи.

Но в ситуации Жанны вопрос о голосах был сложным. Ее голоса имели четкую политическую окраску. И как тут быть? Богословы Карла, которые внимательно допрашивали ее, когда она прибыла к королю для подвига, нашли ее голоса вполне приемлемыми. Да, это богословы из другого политического лагеря. Но образование они получали там же, где и Кошон, — в Париже. И осудить ее сейчас за голоса — значит положить раскол еще и в университетском мире. А это никому не надо.

Вот если бы она была дьяволопоклонницей, тогда голоса можно было бы приписать лукавому. Смотрите, как получается. Сами голоса — это просто факт, не хороший и не плохой, пока не выяснен их источник. Политическую ангажированность голосов к делу не пришьешь, суд-то, по факту, церковный. А дьявола в ее показаниях нет нигде. Почти — в родной деревушке она с друзьями играла на поляне у старого дерева, которое называли древом фей. Но для обвинения этого очень мало. Если инкриминировать это, тогда всю Францию можно сжечь. Где нет древа фей, обязательно

найдутся нехорошая поляна, чертов бор, ручей рогатого или подвал горбатого.

Я это дерево вспомнил лишь за тем, чтобы показать, как тщательно судьи искали, к чему прицепиться, ища повод обвинить ее в связи с нечистым, чтобы спокойно сжечь в один ход.

По голосам судьи так и не сошлись. Кто-то видел в них признак дьявольской одержимости. Кто-то — помешательство ума. Кто-то считал, что раз она за Карла, то это точно от Сатаны.

Пытать за заpiresательство перед следствием ее, к слову, не рискнули. Большинство судей высказались против. Кроме того, во время так называемых увещаний, когда обвиняемому демонстрируют орудия пыток, Жанна под протокол заявила, что заранее отрекается от всего, что скажет под пыткой, так как будет говорить не она, а слабое тело. Да и некрасиво бы вышло: городили такой процесс, созвали столько знающих людей, а признание пришлось выбивать силой. Сплошное посрамление учености.

В придачу эксперты Парижа и иных мест вынесли свой вердикт — не дьяволопоклонница. Просто еретичка. Отрицающая авторитет кафедры Петра. А значит, раскольница. И да, Париж признал голоса кознями лукавого. Но тут тонкий момент. Жанна не подписывала контрактов, не летала на шабашах и не участвовала в черных мессах. Она девственница, и артефактов при ней никаких злокозненных не обнаружено, да и свидетели не могут ничего конкретного сказать по этому вопросу. Но она по неопытности в распознании духов приняла голос тьмы за голос Неба. Дьявол ее просто обманул, не зря же он Отец Лжи. Он и Еву обманул, профессия у него такая.

Сжигать глупую девку совершенно не за что. Жанне нужно лишь отречься от голосов, признать, что авторитет Рима распространяется и на нее, и да, переодеться в платье.

Кошон был, вероятно, в бешенстве. Его alma mater, на благо которой он трудился всю жизнь, так его подставила. Но делать было нечего, нужно было завершать.

24 мая Жанну, облаченную в платье, вывели на площадь кладбища Сент-Уэн, на которой собрался весь город. Многие из горожан впервые за это время увидели Жанну. На площади были воздвигнуты помосты для судей и приготовлен костер. Зрелище обещало быть торжественным и мрачным.

Мученичество святой Жанны д'Арк: сожжение на костре

Гравюра на дереве, неизвестная дата

Кошон, окруженный сонмом прелатов, с высоты помоста обратился к Деве, требуя от нее принять волю судей. Она же просит передать ее дело папе, в Рим. На что ей ответили, что данный суд для того и создан, чтобы вершить дело на месте и в последней инстанции. Трижды ей предложили отречься, трижды она отказалась. Кошон начал чтение приговора, палачи оживились.

Но тут произошло неожиданное. Жанна перебила судью. И перебила не затем, чтобы сказать очередную колкость. Она

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

